

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Четвергъ, 25-го декабря 1903 года.

Et nocte,
qua Christus natus est.

— У насъ не будетъ елочки? не будетъ, Миша, или будетъ?

И крошка дѣвочка большими сѣрыми глазами пытливо глядитъ на брата, стараясь въ темнотѣ рассмотреть его лицо; они оба сидятъ на подоконникѣ замерзшаго окна и смотрятъ въ очищенное ото льда мѣстечко на звѣзды, сияющія въ темнотѣ безднуной ночи.

— Надо спросить Лиду, Танечка! отвѣчаетъ мальчикъ тихимъ печальнымъ голосомъ, Лида ѣздилъ съ тетей по магазинамъ—она видѣла, что тамъ покупали; а мнѣ—мнѣ не нужно елку вѣшать мамочки!

— Миша, Миша... ты, однако, плачешь?

— Дѣвочка жмется къ нему, и маленькая ручка тинется къ его лицу, стараясь отереть эти невидимыя слезы.

Мальчикъ гладитъ ее головку одной рукой, откинувъ далѣе свою голову отъ ея личика, и торопливо стираетъ эти слезы, о которыхъ она подозреваетъ, горячія жгучія слезы: маленькое сердце его поражено тяжкимъ горемъ, но онъ его скрываетъ, скрываетъ съ того дня, когда папа сказалъ ему: „Миша, ты большой уже... у меня неслѣдливое горе на сердцѣ; я знаю, что и твое сердце невыносимо болитъ, но мы—мужчины, мы должны беречь нашихъ дѣвочекъ отъ печали: мама просила о нихъ, умирая.“ И онъ, этотъ 9 лѣтній мужчина, свато помнилъ слова отца, онъ всѣми силами старался не показывать своего горя, онъ все стараніе прилагалъ, чтобы дѣвочки не чувствовали своего одиночества, и хотя его милое личико такъ похожее на лицо его мамы похудѣло и стѣнулось, и большіе сѣрые глаза глубоко запали, онъ ни чѣмъ не выдалъ своей тоски... И сестренки, эти маленькіе цвѣтки, пригрѣтые его ласками и ласками отца, по прежнему ясно и весело глядѣли на Божій міръ; зато его больше не ласкали... съ тѣхъ поръ какъ „ее“ унесли, ни чья рука не гладила его мягкіе волосы, ни чьи уста не цѣловали его губокъ, и глазъ, какъ цѣловала его она, его мама.

Сегодня онъ не могъ казаться веселымъ: это было выше его силъ; ему вспомнилось прошлое Рождество, такой-же сочельникъ и этотъ самый подоконникъ, а на немъ—онъ съ мамой, съ его дорогой мамой! Танечка и Лида спали, спала и „маленькая“, какъ и сегодня; а они говорили,—мама рассказывала ему о Рождествѣ; какъ она хорошо умѣла рассказывать! она и тогда уже кашляла бѣдная, но Миша не зналъ, не думалъ о томъ, что она скоро уйдетъ отъ него. О, еслибы зналъ онъ это,—онъ бы не отошелъ отъ нея, онъ-бы такъ и не отвылъ руку отъ ея шеи, не отклонилъ головы отъ ея груди...

— Мама... мама!...

— Ты плачешь, Миша?

— Нѣтъ, Танечка, нѣтъ, я не плачу! смотри—вонъ звѣздочки: сегодня Христосъ родился ночью...

— Христосъ, Миша?... къ которому мама ушла?!.. Няня говоритъ, что она смотритъ на насъ съ неба... поглядимъ вмѣстѣ, не увидимъ ли ее! я все гляжу и не вижу ее, только одніе звѣздочки вижу... Поглядимъ вмѣстѣ, Мишенька?

И она нѣжно прильнула къ нему своей головкой.

— Мы простынемъ, Танечка, тутъ, сегодня очень холодно; нельзя сидѣть долго на окнѣ: папа осердится; онъ, вѣдь скоро прѣдетъ, нашъ папа... Пойдемъ къ Лидѣ, къ тетѣ: тамъ самоваръ шумитъ, поетъ пѣсенки... Помнишь—такія хорошенькія, о которыхъ мама говорила; она умѣла понимать пѣсенки самовара, она все умѣла, наша милая, милая мамочка!.. И опять слезы подступили къ его горлу; положительно онъ не могъ владѣть собою сегодня, и дѣвочка, точно понявъ его своимъ чуткимъ сердечкомъ, притихла и слезла съ подоконника.

Тихо сидѣли они за столомъ въ ихъ уютной столовой; тетя хлопотала около него, вынимала изъ красиваго чернаго буфета варенье и блюдечки; лампа свѣтила привѣтливо, и самоваръ пѣлъ свои пѣсенки. Но все это было не то, что ранѣе, при мамѣ...

— Папочка!

Свѣтлорусыя головки разомъ повернулись на звонокъ. Это дѣйствительно былъ онъ, усталый, измученный, раздранный... Тяжелая скорбь жгла ему сердце, и даже, при взглядѣ на эти милыя головки, тучи, лежавшія на его лицѣ, не разгладились...

Вотъ и кончѣтъ вечеръ, дѣвочки ласкаются къ отцу и уходять; идетъ и Миша проститься. Отецъ, не смотря на него, роняетъ обычное— „ступай съ Богомъ!“—и склоняется надъ работою, которой онъ глушитъ свою тоску... Тихо въ домѣ. Только „маленькая“ плачетъ въ дѣтской; но и она затихла, убаюканная няней. Крѣпко заснула дѣвочка и Миша не спитъ: онъ, раздѣтый, завернувшись въ легкое одеяло и сидѣть на оконшкѣ; лампадка потухла у образовъ, и въ темнотѣ худенькая фигурка мальчика едва бѣлѣется; никто не увидитъ его, никто не заглянетъ въ эту комнату: вѣдь мамочки нѣту, некому позаботиться о немъ, некому приласкать...

А маленькое сердечко такъ стосковалось о ласкѣ! „Пройти въ гостинную—тамъ лучше звѣзды видно: окна не такъ замерзли... Не глянетъ ли изъ-за звѣздъ мамочка?..“

„Пройду черезъ столовую я тихо, никто не увидитъ!“—несется въ дѣтской головкѣ,—„я могу надѣть Лидины туфельки: онѣ не застучать...“

— Божинька милый, добрый, покажи мнѣ мамочку, мою милую, милую мамочку!

Вотъ и гостинная, и окно; съ этой стороны большіе звѣзды видно: какія большія, точно трещутъ!

— Мамочка дорогая, выгляни изъ-за нихъ: я, Миша, такъ соскучился!.. Мамочка, голубушка, меня никто, никто не ласкаетъ... мнѣ не велѣть плакать, а мнѣ такъ больно удерживать себя, я такъ соскучился... милая, слышишь ты меня?! Божинька! мнѣ не надо елки, не надо игрушекъ, ничего не надо, только пусти ко мнѣ мамочку не надолго, совсѣмъ не надолго: только пусти она меня поцѣлуетъ!

И, обливаясь неслышными слезами, онъ плотно прижимается къ стеклу разгорѣвшимся личикомъ и глядитъ, не отрываясь, своими большими печальными глазами въ темноту звѣзднаго неба, глядитъ до тѣхъ поръ, пока не затуманиваются глаза, и сонъ, этотъ утѣшитель страданій, смыкаетъ ихъ вѣки; улыбка на его губкахъ, счастливая, радостная, что ему снится мама; о, несомнѣнно! она пришла къ нему во снѣ въ эту святую ночь: вѣдь онъ такъ просилъ, чтобы ее отпустили!.....

— Миша, голубчикъ, какъ ты напугалъ меня!.. Вѣдь, простынешь, захворашь... Зачѣмъ ты ушелъ сюда, родной мой? пойдѣмъ—я отнесу тебя въ кроватку!...

Миша раскрылъ глаза и удивленно посмотрѣлъ на отца, осматрѣлся кругомъ и вдругъ началъ рыдать, крѣпко закрывъ личико обѣими руками; слезы катились сквозь тонкіе пальчики, все его худенькое тѣло тряслося въ рукахъ отца, а тотъ крѣпко прижималъ его къ себѣ и шепталъ испуганно:

— Миша, милый! да о чѣмъ-же ты? что съ тобой, скажи мнѣ ради Бога!

— Папочка! я маму... я маму звалъ... она глядѣла на меня изъ-за звѣздочекъ, я просилъ ее приласкать меня, я хотѣлъ съ ней поплакать, а ты меня разбудилъ!

Я такъ соскучился, папочка! я не могу не плакать, я не могу терпѣть... о, моя мамочка, милая, моя дорогая мама!..

Вся боль его сердца, истосковавшаяся по ласкѣ, сказала въ этихъ слезахъ; онъ ждалъ ее съ неба, изъ-за звѣздъ, въ ту ночь, когда другія дѣти ждали игрушекъ и лакомствъ; о ней надрывалась его душа, полная не дѣтскаго гора!—И отецъ понялъ это.

— Мальчикъ мой!.. бѣдное маленькое сердечко!

Что-то жгучее, горячее упало на дѣтскій лобикъ; еще, еще... слезы отца смѣшались со слезами ребенка, губы отца, горячія, вздрагивающія, цѣловали его личико, и эти поцѣлуи снимали то тяжкое, невыносимое, что давило грудь Миши.

— Папочка, я могу плакать?!

— Можешь, мой маленький, мой бѣдный! мы вмѣстѣ будемъ плакать о мамѣ.

Я знаю теперь, что нужно моему мальчику: слезы и ласку... И я тебя буду ласкать за себя и за маму... тебѣ легче?! Мама „видитъ насъ вмѣстѣ, она смотритъ на насъ, хотя мы ее и не видимъ, вонъ изъ за тѣхъ звѣздъ!“

— И они оба полными слезъ глазами глядятъ въ темноту ночи, крѣпко прижимаясь другъ къ другу; они чувствуютъ огромное облегченіе, раздѣленное горе не падаетъ гнетомъ на ихъ измученныя сердца... А имъ съ высоты, словно радуясь за нихъ, ласково мерцаютъ звѣзды, ночь глядѣла на нихъ своими очами. Та ночь, въ которую родился Христосъ!.....

— Ладно, козляка, ладно! трогай!

И повозка Чукана и кошевка Петяйки одновременно выехали со двора.

— Къ полночи вернется! промолвил хозяин: поспѣетъ еще къ службѣ! Петяйка наш! десятиники сказывали—сичасъ 8-й часъ; до Березники 7 верстъ, они льдомъ поѣдутъ, Иртышомъ.. долго-ли оборотится, только-бы бурангъ полетчалъ!..

А онъ не легчалъ, этотъ бурангъ на степи это было сильнѣе замѣтно; онъ точно гигантское чудовище съ огромными крыльями насканивалъ сзади на повозку, осыпалъ кошевку сѣнгомъ и несся, обгоняя ихъ, снѣжная волна перекатами катилась черезъ головы путниковъ, осыпала лошадей, за ними съ новымъ порывомъ вѣтра неслись новая волна. Было холодно. Петяйка вздрагивалъ, не смотря на теплую шубу и халатъ, надѣтый подъ него. Мать заботливо укутала его шарфомъ, шапка на жѣбу покрывала его маленькую блѣдую голову, но снѣгъ забирался вездѣ, за шею, въ уши, и когда мальчикъ обернулся назадъ, его сердечко сжалось невольнымъ страхомъ: такая страшная темнота густѣла тамъ, и ни одного огонька не глянуло на него изъ окошекъ оставленнаго села. Поднятыя вѣтромъ снѣжная волна закрыли ихъ отъ его глазъ.

— Эй, ты, пѣвецъ! гляди лучше въ оба: полныи эти проклятыи кругомъ—еще утопиши!—переднихъ видно?

— Вонъ они, баринъ! показалъ мальчикъ кнутовищемъ бича.

— Что-же колокольцевъ не слышно?

— Бура относитъ!.. близко они, да и до Березники не далеко. За гору заворотимъ—видать будетъ!

И опять молчаніе, только колокольцы уныло позвизывали подъ дугою.

Березника замелькала рѣдкими огоньками; ссадили сѣдоковъ и завернули коней. Петя залъ въ повозку и прикорнулъ въ уголокъ. Чуканъ привязывалъ сзади его пару и разговаривалъ съ ямщикомъ и его работниками, онъ прямо привезъ проѣзжающихъ на земскую, и имъ тоже торопливо запрягали лошадей.

— Переночевать-бы—совѣтовали Чукану,— гляди бурангъ раздурѣлся на грѣхъ!..

— Козинъ вернуться вѣлѣтъ: дома некому... доѣдемъ, Петяйка въ церква собирался! посянля Чуканъ.

— Въ церкву?.. дай Богъ къ свѣту домой-то добратъ!.. ты вотъ што, Чуканъ,—коли ужъ ѣхать, такъ стѣною, а не рѣвкой поѣжай: тамъ есть дорога—знаешь, вѣтъ, маленько дале, зато опаски вѣтъ: въ полночь не поладете... оборони

Боже рѣвкой; теперь, перво, темень, а второе страшный вѣтеръ!..

— Ладно... прощай! ну, ну! И Чуканъ хлеснулъ лошадей, не хотѣвшихъ идти.

— Ой, Чуканъ, не ѣзди: скотина не идетъ съ мѣста—недобро дуесть... Я своимъ велю на станкѣ почевать. Куда кидаетъ противъ вѣтришна экого; ты гляди—здѣсь што, а на степи теперь—погибель!..

— Козинъ вѣлѣтъ—упрямо повторилъ Чуканъ и хлеснулъ лошадей сильнѣе. Тѣ не охотно тронулись, уныло позвизывая колокольцами.

Петяйка не принималъ участія въ разговорѣ; пригнѣтый кочмою и закрытый заметомъ, онъ задремать и движеніе повозки и звонъ колокольцевъ, и порывы вѣтра не разбудили его. Лошади осторожно опустили, и онѣ тихо подвигались впередъ... а время шло: проходили часы, долгіе въ этомъ одиночествѣ, среди хаоса бури. Они должны были доѣхать по времени, но и признака жилья не было видно; тьма впереди, тьма сзади, вверху, внизу. Лошади выбивались изъ силъ, но все-же передвигали ноги. Вотъ коренная ступица и повисла одною ногою надъ пространствомъ, разомъ оторвавшись передъ нею; отъ этого толчка повозку слабо тряхнуло. Чуканъ едва удержался на козлахъ, изо всей силы натянувъ возки.

— Не рѣкали, не въ полночь-ли попали? мелькнуло въ его головѣ.

И, осторожно слезши съ козелъ, онъ началъ шарить руками землю въ этой непроглядной тьмѣ. Лошадь одною ногою висла надъ ямой, но это была не ямы; киргизъ сползъ съ откоса. «Яма или догъ, но не ямы!»—рѣшилъ онъ, опять добрался до лошадей и началъ распрягать коренную.

II.

— И въ этукую-то бурю, Федосей, паренку шлешь?!.. съ покорнымъ упрекомъ говорила мужу не-большая полная женщина.—Ну, киргизы привычные, а Петяйка зазнобитъ; да и подъ праздникъ охота въ церковь

ему—самъ знаешь: пѣвчій онъ!..

— Што я виноватъ, штоли? огрызается Федосей, худощавый, маленький, болѣзненный мужикъ,—кого вмѣсто него пустить-то: одиѣ подводы въ Сякисовку Кондобайка увезъ, Бекетая послалъ до Мелкой съ сотскими, Чуканъ одинъ да я.. Петяйки не впервой возить... Што-не справится штоли съ парюю? чѣмъ я виноватъ, што хворость задавила проклятая, а тутъ этихъ лѣшій нагналъ въ такую ночь, прости ты меня, Господи! ворчить ишо! рази мнѣ самому охота парнишку посылать?! эхъ, горе—жизнь наша ямщишкан!

— Скорѣе! торопили на дворѣ два десятскихъ, прибѣжавшіе съ земской, баринъ торопится, писарника загадилъ насъ: ишо ногами топаетъ, будь онъ прокляты!

И, кашляя и стоная, принялся онъ натягивать халатъ на свои худыя плечи.

— А гляди, ребята, бурангъ то какъ дурить: однако бура будетъ?!

Вѣтеръ, дѣйствительно дулъ холодными рѣзкими порывами, выдмая тучи снѣгу съ горъ и напоя ихъ на село, притившесся у ихъ подножія. Темнота. Ни одной звѣзды не сіяло на небѣ, покрытомъ тучами. Фонари тускло свѣтили у крыльца, лошади, которыхъ проворно хомутали, фыркали и жалисъ другъ къ другу.

— Эхъ, горе,—наше ямщишкое! возвращаъ Федосей... Петяйка ты, родимый, крѣпче одѣнься, теплѣе!—совѣтовалъ онъ мальчику лѣтъ 11-ти—вишь холодачетъ, вѣтрище подымается... Чуканъ, ты поглядывай на него; назадъ воротачись будете—въ повозку посади его; да дорогой не спи, Чуканъ, а то гляди и до грѣха недалеко, коли просияшь.

— Што ты, козинъ, мы привышна!—откликнулся молодой киргизъ, влѣзавшій уже на козлы повозки. Эй, Петяй, за мной! я, козинъ, ему дьячка запрегъ; онъ не отстанетъ отъ моихъ коней!..

— Ну, съ Богомъ, коли такъ. На земскую теперь... да ты, Чуканъ, половчѣ подавай: знаешь самъ-то не любить неакуратности... штобъ живо, и кони не пошевелялись... Оборони Боже лягать!

— Осподъ съ тобой, Петяйка!.. ступай, желанный, въ добрый часъ! сказала мать, вышедшая на крыльцо съ фонаремъ въ рукахъ, не оставая!

— Чуканъ годубчикъ, не отпускай его отъ себя!

Маленькія привычныя руки ужли править лошадми; да сегодня онѣ и сами ѣзжали безъ управления вслѣдъ-за передней парой, вытянувъ по вѣтру морды и часто фыркая, привычная дорога была имъ слишкомъ знакома. Петя даже возки опустилъ и задумался: онъ любилъ лошадей, любилъ поѣздки; онъ, не тиготился своей долею, но сегодня ему не хотѣлось ѣхать... охъ, какъ не хотѣлось!.. Кабы не тятка большой—уперся-бы онъ и не поѣхалъ, а то тятку жалъ... а безпрежбно къ службѣ опоздаемъ, и начнется безъ него эта торжественная служба!..

А онъ такъ любилъ пѣть въ церкви: его голосъ чистый и красивый ясно выдѣляется въ хорѣ. Евгений Ивановичъ-регентъ любилъ его за пѣніе, и батюшка всегда такъ ласково гладилъ курчавую головку Пети, и такъ хорошо улыбаясь мальчику его губы. Давеча Петя забѣгалъ въ церковь—хорошо такъ: огромныя иконы въ красивыхъ хитонахъ прямо смотрѣли на него, лампы горѣли передъ ними, красивая розовая церковь, казалось, радовалась празднику, а тамъ, на кипрѣхъ лежали новыя ноты, по которымъ они будутъ пѣть пѣснь рождества, прекрасную пѣснь, только что разученную съ ними Евгениемъ Ивановичемъ. Ему сейчасъ захотѣлось запѣть ее, и потихоньку началъ было, но его строго окрикнулъ сѣдокъ.

— Что это, Чуканг, прѣехали?! — спросил про-
снувшийся Петя и выглянул изъ повозки. Го-
лось его отнесло порывомъ вѣтра. Чуканг не
сдыхалъ его, продолжая возиться возлѣ лоша-
дей, но мальчикъ и самъ понялъ, что они не
дома; откинувъ засыпанный снѣгомъ заветъ, онъ
ощупалъ козлы. Чукана не было. Испугъ овла-
дѣлъ Петей по сейчасъ-же и рѣзѣлся: киргизъ
ощупывалъ повозку; зафыркала лошадь, которую
онъ привязалъ подъ вѣтеръ.

— Петя! не спи?
— Нѣтъ, нѣтъ... гдѣ мы?
— Аллахъ знаетъ! дорога не видно, сбился
съ дорогамъ... свѣтъ нѣтъ, конь присталъ; свѣтъ
идать будемъ—може не замерзнемъ... Я къ тебѣ,
Петя!

— Иди ближе, садись,—теплѣе будетъ... ко-
някъ вотъ горе.

Киргизъ сѣлъ возлѣ мальчика и закрылся
заметомъ. Они крѣпко прижались другъ къ
другу. Буря достигла до высшей точки своего
могущества, съ дикимъ свистомъ несла она надъ
ихъ головами снѣжные волны, засыпая ими по-
возку; вѣтеръ проникалъ черезъ ея верхъ, заби-
рался въ кочку и подъ шубы и леденилъ ихъ тѣла.

— Бѣдные, бѣдные кони! — говорилъ Петя, — за-
мерзнутъ они!..

— Замерзнутъ, Петя! — невозмутимо согла-
шался киргизъ, — и мы замерзнемъ, коли заснемъ...
не спи, Петя! говорить будемъ, помирать не-
охота... заснемъ — померемъ; я старый, а поми-
рать не надо, а ты молодой — тебѣ совѣтъ не
надо... Говори, Петя! Пѣсни пой, только не спи.

И киргизъ самъ затянулъ что-то заунывное,
похожее на вой вѣтра въ трубѣ, на волчье за-
ыванье. Эти звуки нагоняли тоску,
щемили дѣтское сердце, пугали его...

— Чуканг!
— Што, Петя!
— Не пой: я боюсь!
— Боишься? чего боишься?! Чукангъ
любить тебя... бури боишься?
— Боюсь, бурю боюсь, пѣсни боюсь...
Страшно!..

— Не бойся, Петя! я съ тобой!
ближе ко мнѣ иди подъ шубу; я опол-
каю растяну. Тебѣ холодно?
— Холодно!

Чукангъ растянулъ опояску, распах-
нулъ свою барьяну шубу и, взявъ
ребенка на руки, запахнулъ ее опять.

— Сиди, Петя! такъ тепло будетъ...
Аллахъ помогай будетъ! Я буду Аллаха
молить, а ты моли вѣтебѣ: Аллахъ у
тебя—Аллахъ у меня... Ты Христа
проси, Миколай проси,—я тоже про-
ситъ буду... завтра больша ваша день
Рождества... Молись, Петя!

И киргизъ забормоталъ что-то го-
рячо, убѣдительно по своему, а Петя
съ чувствомъ жгучаго страха прислу-
шивался къ дикому свисту бури,
зреди котораго не слышно было даже
словъ молитвы Чукана.

— Чукангъ, засыплетъ насъ, засып-
летъ снѣгомъ... Погинемъ мы, Чуканг!

И, не слыша отвѣта, ребенокъ затихъ,
опять прислушивался къ хаосу зву-
ковъ. Тоска росла въ ширится въ
его сердцѣ, холодъ знобитъ, хотя руки
киргиза крѣпко прижимаютъ его.

— Петя!
Онъ крикнулъ громко, но мальчикъ
едва услышалъ его. — Петя! помолись
ты... я молился...

Что-то дрогнуло въ сердцѣ Пети:
просьба киргиза, въ которой звучало
отчаяніе, подняла теплое чувство въ
его душѣ.

— Господи, спаси насъ! слегло съ
его усть горячимъ порывомъ, и вмѣстѣ
забывъ страхъ и тоску, онъ сталъ шептать
холодящими губами: Спаси, Господи, не погуби,
оборони отъ смерти, помоги живыми встрѣтить
Твое Рождество! Онъ молился за себя и киргиза,
забывъ что тотъ "некрещенная собака", пария,
жизнь котораго ничего не значить; для него
это былъ другъ, дѣлвшій съ нимъ смертельную
опасность и онъ молился за него.

— Господи, спаси насъ съ Чуканомъ, вызволи,
не дай погинутъ!

И киргизъ, ловя его слова среди порывовъ
вѣтра и свиста бури, повторялъ за нимъ:

— Не дай погинутъ!.. Кристусъ, не дай поги-
нутъ, оборони отъ смертамъ!..

— Чукангъ, слышишь? — Мальчикъ схватилъ
его за руку. — Слышишь, Чукангъ?!

— Слышь, Петя! слышь!..
Ф. Слово въ отвѣтъ на ихъ молитву, вѣтеръ
принесъ къ нимъ ясный отчетливый звукъ
колокола, торжественнымъ аккордомъ прозвучав-
шій среди хаоса бури... одинъ, другой, ударъ
за ударомъ; много ихъ плыло имъ навстрѣчу,
громкіе, торжественные, радостные... киргизъ чут-
ко слушалъ.

Переселенецъ и его сынъ-сибирякъ.

Сибирскій крестьянинъ.
(Картина Л. П. Базановой).

— Петя! — радостно заговорилъ онъ, — Петя!
вѣдь это наша колоколь, вѣдь изабамъ близко;
вылѣзай, Петя! это не ровъ—это беретъ... Ир-
тышъ перхѣхати, — и дома будемъ... Я пойду, от-
вяжну кошевку... Петя! мы туды съдемъ, дѣляч-
ка" пущу; онъ домъ знаетъ... Спасибо твоему
Богу: онъ насъ позвалъ, вѣтеръ... Мы бы замерз-
ли, Петя!

И, торопливо отстегнувъ заветъ, онъ съ
трудомъ открылъ его, отваливъ кучи снѣга.
Буря по прежнему бушевала, донося звуки бла-
говѣста; вѣтеръ сбивалъ ихъ съ ногъ, осыпалъ
снѣгомъ, но они теперь не боялись его... Съ тру-
домъ вывели полузанесенныхъ коней и освободили
кошевку, спустивъ ее съ крутого, но не-
высокаго яра, который давеча приняли за ов-

рагъ; они сѣли въ нее и пустились по звону,
предоставивъ лошадямъ пробираться самымъ че-
резъ рѣку. Оба молчали, напряженно молчали, и
только, когда благовѣстъ зазвучалъ совсѣмъ бли-
зко, лошади стали подыматься въ гору, и передъ
ними свозъ бурю и снѣгъ замелькали огоньки
избушекъ, оба они облегченно вздохнули и разо-
зомъ — и русскій мальчикъ-христианинъ и кир-
гизъ сняли, — одинъ свою мѣховую шапку, а
другой громадный киргизскій малахай, — под-
няли лица къ небу; не смотря на вѣтеръ и
бурю, каждый по своему, они творили молитву,
благодарную молитву Христу за избавленіе отъ
гибели. Надъ ними по прежнему неслись тучи
снѣга, обжигая имъ лица; тутъ близко съ вы-
сокой колокольни гудѣли колокола, темная ночь
глядѣла имъ въ глаза, "та ночь, въ которую
родился Христосъ"...

А. Мирская.

Благотворитель.

(Изъ неопечатанныхъ разсказовъ Н. И. Наумова).

Антонъ Захаровичъ Вересаевъ, только что
вставъ и сотворивъ утреннюю молитву, сидѣлъ
въ столовой комнатѣ своего богато убраннаго
дома за круглымъ столомъ, на которомъ шах-
тѣль, выпуская густые клубы пара, объемистый
самоваръ. Антонъ Захаровичъ только что одво-
вѣлъ и въ горести по своей нѣжно любимой
супругѣ возвращался каждый день изъ компаніи
своихъ друзей настолько въ разстроеномъ ду-
шевномъ состояніи, что ночью двое дворниковъ —
могучихъ парней съ трудомъ подни-
мали его по высокой лѣстницѣ и сдв-
вали на почесаніе Архипа, сѣдовласаго
прикащика, исполнявшаго по дому
обязанности и экономки, и горничной.

Сидя за столомъ, въ поношенномъ
ситцевомъ халатѣ, Антонъ Захаровичъ
морщился, кряхтѣлъ, почесывалъ заты-
локъ и смаковалъ языкомъ неприят-
ный вкусъ во рту, который на языкѣ
людей, любящихъ хорошо поѣсть вече-
ромъ, а особенно выпить, называется
„точно эскадронъ во рту ночеваль“.

Антонъ Захаровичъ былъ купецъ,
считавшійся въ г. Т. крупно богатымъ
человѣкомъ и жертвователемъ на бого-
удобныя заведенія, за что имѣлъ раз-
личнаго объема нѣсколько золотыхъ
медалей, коими украшалъ свою шею
по праздничнымъ днямъ. Пожертвованія
Антонъ Захаровича, помимо усердія
его къ храмамъ, немало содѣйствовали
тому, что чуть не десятки дѣлъ, имѣю-
щихъ уголовный характеръ, возбуж-
денныхъ противъ него по поводу раз-
личныхъ якобы противозаконныхъ про-
дѣлокъ по подрядамъ съ казной и
частными лицами, не двигались впе-
редъ, а служили только пугаломъ, для
устраненія котораго то въ той, то въ
другой первы выросали новые при-
дѣлы, въ коихъ и воздавали хвалу
соседазю ихъ Антону Захаровичу
Вересаеву.

— А къ вамъ, батюшка Антонъ
Захаровичъ, водовозъ нашъ о чемъ-то
покупиться хочетъ, просилъ доложить
вашей милости, — произнесъ Архипъ,
подавая огромную фарфоровую чашку
съ чаемъ, на которой красовалась
надпись: „ну-ка, выпей другую“.

— Что ему надоть?
— Богъ его знаетъ, не сказывать,
должно быть, поди, дѣло же есть. Безъ
дѣла то, поди, не посмѣлился бы трево-
жить экую особу, какъ ваша милость.
— Ну, зови, послушаемъ, какое у водовоза
дѣло стрѣлось, — произнесъ хриплымъ голосомъ
Антонъ Захаровичъ, наливъ на блюдце чаю, кро-
сообразно подувъ на него и слотнужъ его по-
сти безъ передышки, протянулъ „а-а-ахъ“ и поди-
залъ языкомъ сѣдые усы свои.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ старикъ
крестьянинъ въ смуромъ армякѣ, усѣянномъ за-
платами и въ старенныхъ бродняхъ. Войдя въ
комнату, онъ помолился на передній уголокъ,
установленный иконами въ богатыхъ золотыхъ
окладахъ и затѣмъ, низко поклонившись Антону
Захаровичу, молча сталъ у притоки, поглядыва-
вая своими слезающимися глазами на грузную
фигуру Антона Захаровича. Во взглядѣ старика
было столько глубоко затанной грусти и мольбы,

что всякой другой на мѣстѣ Антона Захарыча по одному выраженію въ глазахъ старика понималъ бы, какое горе шептеть его душу.

— Чего тебѣ надоть отъ меня, говори?—мелькомъ взглянувъ на него, спросилъ Антонъ Захаровичъ.

— Милости, батюшка, милости.—Старикъ глубоко вздохнулъ.

— Какой же тебѣ милости, ну, сказывай, денегъ, поди взять; душу нашего брата за однимъ дѣломъ только и маютъ всѣ.

— Деньгъ, родимый, вѣрно ты вымолвилъ.

— Ужъ я ль ошибусь, слава тебѣ, Господи, шестой десятокъ на свѣтѣ къ коротаю. Много-ль тебѣ?

— Рублевъ бы двѣсти, родной, завалобилось.

— Двѣ-ѣсти, хе, не мало! Ну на што жъ тебѣ кажу напасть то денегъ-то надо? сказывай, да не лукавь мотри, я вѣдь прозорливцевъ, съ одного взгляда увику обязательство твою.

— Пошто лукавить, милостивецъ, по душѣ тѣ обажу. Все сынокъ у меня, сынокъ меня Богъ наградилъ, такъ одного будто только на поглядючку и далъ намъ со старухой; и такой-то это у насъ онъ догладивый, до всего то это умоумъ бы ему дайти надоть, што диво, диво, говорю; диву начальство то дается!

— Какое такое начальство?

— А вотъ слушай, говорю; благодѣтель, да и суди самъ. Обучали это мы его въ уѣздномъ училищѣ; только вотъ смотритель то уѣзднаго училища, покойная теперь головушка, пошли ему Господь небесное царство, призвалъ это меня къ себѣ и обеказывать, такъ и такъ, говорить, старичокъ, наградилъ тебя Господь счастьемъ въ сынѣ твоемъ, самороднымъ талантомъ, говорить, участвовали, ну мотри же, говорить, блюди его, не ставай ему поперекъ дороги, ужъ какъ никакъ въ жиду вытанысь да въ еминазію отдай его, а я тебѣ помогу, говорить, въ эфтомъ. Ну и точно, родной мой, помочь онъ мнѣ опредѣлить его въ еминазію, ужъ тяжело мнѣ, Господь одинъ видѣлъ, содержать его въ еминазію, но скрѣпился, не допивалъ, не добавля, а далъ ему покончить учење, кончилъ, медаль вѣдь, родимый, получилъ, на ахтѣ ихнемъ архерею его золотой иконой благословилъ, слышь-ко, мужичьяго сына экой наградою, не радость ли!, и старикъ заплакалъ.

— Молись, никто какъ Господь участвовалъ, не возгордись только.

— Што ты, родной мой, намъ ли гордость то напущать на себя! Ну вотъ, обекажу тебѣ, и приступи это ко мнѣ сыночекъ, нусти да нусти меня, тятенка, въ столицу, говорить, въ университетъ учиться, оучаствовали, говорить, я и тебѣ съ матушкой на старости дѣтъ успокою, хочу, говорить, всякое учење произойти. Другіе то всѣ говорятъ, учителя то штоисъ, экому, говорить, талану грѣшню поперекъ дороги встать, а мочи то у меня нѣтъ. Подумалъ, подумалъ я, батюшка, да и порѣшилъ, што ужъ стало быть, предѣлъ ему такой отъ Бога положенъ, сынку то, всяку науку знать, такъ статочно ли дѣло супротивъ божьей то воли иди, свярядить то его въ науку то моченьки, вишь, нѣтъ, достатковъ, такъ ужъ вызволь, дай ты мнѣ двѣсти рублей свярядить его въ науку, вѣкъ твой богомолець буди и плательщикъ, такъ ужъ по грошикамъ, по грошикамъ, какъ никакъ сколочусь да плачу ихъ тебѣ, вызволь!—и старикъ, упавъ на колѣни, поклонился Антону Захаровичу въ ноги.

— А ты у другихъ то купцовъ побывалъ у кого, аль нѣтъ? Вѣдь я, поди, чай не одинъ здѣсь! а?

— Побывалъ, родимый, побывалъ.

— Дали?

— Кабы дали, такъ неужъ бы тревожили твое степенство. Не даютъ, у насъ, говорить, на науку нѣтъ денегъ, мы, говорить, этимъ баловствомъ не занимаемъ, штобы на науку денегъ давать. Поди вотъ, говорить, къ Антону Захаровичу, къ твоей милости, стаю быть, у него, говорить, супружница Богу душу отдала, такъ, можетъ, съ горя то на поминъ души ея и дасть тебѣ.

— Ты и пошелъ?

— Ну, послушался ихъ, дошелъ до твоей милости.

— Трудился то за напрасное иди то. Жаль, право, мы тоже зря денегъ не подаемъ; по двѣсти то рублей на поминъ души станемъ класть, такъ и на поминъ своей ничего не оставимъ.

Иди съ Богомъ, пощи, можетъ и найдешь экого шального, што на учебу денегъ дать.

— Такъ ужъ не будетъ милости?—тоскливо спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ, поди со Христомъ.

Архипъ, дай-ка ужъ гривенникъ ему, пускай помолится за успокой души Матрены-то Карповны.

— Не надоть, родимый, не трайся, я вѣдь не нищій,—обидчиво отвѣтилъ старикъ,—прости, што покулился тебѣ,—и тряхнувъ шапкой, старикъ направился къ двери.

— Стой-ка, стой ужко! неожиданно окликнулъ его Антонъ Захаровичъ.

Старикъ остановился.

— Подь-ка ужко, приведи-ка ко мнѣ молодца-то своего, слышь, сына-то, я ужко погляжу, какой онъ такой по нашимъ мѣстамъ выискался, што всяку науку знать хочеть?

— Да на што онъ тебѣ, кормилецъ, сынокъ то мой? остановившись, съ боязнью въ голосѣ спросилъ старикъ.

— Веди, погляжу, говорю, на него, можетъ ишо и въ милость войду, денегъ дамъ.

Старикъ почесалъ въ затылкѣ и вышелъ. Антонъ Захаровичъ долго сидѣлъ молча по уходѣ его, барабана по временамъ пальцами по столу и наконецъ отрывочно заговорилъ, хотя сидѣлъ и одинъ, такъ какъ Антонъ съ трипкой въ рукахъ стиралъ пыль въ сосѣдней комнатѣ: Гладко-ко-сь, а? ужъ сынъ мужика водовоза, што и дѣна то грошъ, въ науку дѣзеть, а? ну и времячко подошло! Какъ жить то станемъ, какъ всѣ то учење будутъ, а?

— Антонъ! вдругъ крикнулъ онъ.

— Чего изволить?—откликнулся тотъ.

— Ты у меня мотри, за парнями въ лавкѣ поглядывай, а то ишо и они не задурѣли бы, не пошли бы учиться.

— Не задурять, Антонъ Захаровичъ, небось, не такіе люди, вотъ стянутъ чего—это точно по ихъ статьѣ, эту науку они знаютъ, а такъ, штобы книжкой заразиться—этого опасаться нечего.

— То-то, мотри, говорю, поглядывай.

Прошло не болѣе часа, какъ старикъ водовозъ вернулся вмѣстѣ съ сыномъ, которому на видъ нельзя было дать болѣе восемнадцати лѣтъ. Лицо его, слегка тронутое оспой, было чрезвычайно милодно. Въ голубыхъ глазахъ юноши свѣтилась мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ просвѣчивала грусть, вѣроятно, отъ сознанія той униженности, какую онъ долженъ былъ безпечно выносить ради того, чтобы достигнуть той высокой цѣли, къ какой онъ стремился.

Войдя въ комнату, молодой человекъ вѣжливо поклонился Антону Захаровичу, который, не отвѣтивъ ему на поклонъ, пылкомъ осматривалъ его.

— Энтотъ и есть паренекъ то у тебя, што до науки хочеть?

— Энтотъ самый, батюшка.

— Ну, паренекъ, хопъ ты тамъ и заробилъ ужъ медаль себѣ, а не взыщи съ меня, старика, што я съ тобой по просту рѣчь веду.

Гордыню то да мечтаныя о себѣ пока въ задній карманъ положъ; вы вѣдь нынѣшніе тѣ, слыхалъ я, и Бога то не признаете.

— Науку то вотъ хопъ произойти, а молитвы то господни знаешь ли, а?

— Знаю,—слегка улыбаясь отвѣтилъ юноша.

— А, ну ко-сь, ну-ко-сь попытаемъ, скажи ты мнѣ «вѣрую».

Молодой человекъ прочиталъ требуемую молитву.

— А..а, да ты и въ самомъ дѣлѣ никакъ пугный, а ну-ка «вотчу напѣ».

Онъ прочиталъ и «отче напѣ».

— Да изъ тебя, пареня, и то никакъ прокъ выидеть.

А «царю небесный» и «богородицу» знаешь? Тотъ прочиталъ и «царю небесный», и молитву Богородицѣ.

— Ну, паренекъ, теперь я вижу, что ты помнишь Бога, не возмечталъ о себѣ, за это вотъ тебѣ Господь и участвовалъ. А куда же ты ѣхать то хопъ?

— Въ Петербургъ, въ университетъ.

— Далеко же ты, пареня, летѣть хопъ! А какихъ же ты наукъ тамъ происходить хочеть?

— Юридическія.

— Это какія же стало быть по нашему то, будто какъ ихъ по-русски то обозвать?

— Юристами называются судьи въ судахъ, къ примѣру скажеть, прокуроры.

— Э..а..э, вонъ какъ! Ну, пареня, не хвало, экижъ наукамъ-то и помогать опасно. Ты што-жъ послѣ науки то сюда обернешься, а?

— Сюда думаю.

— Не грабь, мотри, какъ чиновникомъ-то прѣдешь, слышь; нѣтъ тебѣ экого завѣту моего, штобъ взытки брать, нѣтъ!

— Взытки брать подло и противозаконно и я никогда себѣ подобовыхъ поступковъ не позволю, не опасайтесь.

— Подло, подло, это вѣрно ты сказала. Ты, я вижу, пареня съ толкомъ, экихъ то я люблю. Я помогу тебѣ, слышь ты это, помогу. Ты поэтому и дѣни меня. Наши вѣдь кущи-то остолопы, а я не такой, я вотъ дамъ тебѣ двѣсти рублей, доходи до науки, только пусть отецъ твой напередъ записку экую дасть, что безпечень заплатитъ мнѣ эти деньги.

— Дамъ, батюшка, дамъ, какую хошь записъ,—отвѣтилъ кланяясь обрадованный старикъ.

— Ты не думай, паренекъ,—обратился Антонъ Захаровичъ къ юношѣ,—што я до денегъ то жадный. У меня денегъ то, слава тѣ Господи, самъ ину пору сосчитать не могу, вотъ сколь, мнѣ-то экія то деньги какъ двѣсти рублей наплавать, тѣфу, говорю! Слышалъ? А записъ я беру единственно потому, штобы ты, какъ до науки то дойдешь, да обернешься сюда, такъ и..и...и., Господи, какъ поди возмечталъ о себѣ да съ гордыни то ность задереть превыше поди колокольницы, а къ благодѣтелю то, поди, и на порогъ не заглянешь, а вотъ экая то записочка будетъ у меня въ рукахъ, такъ я тебѣ гордыню то и сокрушу и прижму тебя ей, што и о благодѣтелѣ вспомнишь, прѣдешь съ поклономъ. Такъ вотъ поди напиши съ отцомъ и приди ко мнѣ, тогда я и денегъ дамъ дамъ.

Молча вышли отъ Антона Захаровича отецъ съ сыномъ. Старикъ шелъ по двору и крестился, держа въ рукахъ шапку, въ глазахъ сына его стояли слезы отъ вынесеннаго униженія.

Старикъ Булановъ—такъ звали водовоза—далъ росписку Антону Захаровичу въ полученіи денегъ и въ обезпеченіи уплаты подписалъ на него избушку, стоящую гдѣ то на краю города и тройку лошадей, благодаря которымъ онъ добывалъ кусокъ хлѣба, возъ и продавалъ воду безлопаднымъ обывателямъ города Т..а. Сынъ его вскорѣ послѣ того уѣхалъ, и дошедшіе слухи объ уѣзвѣхъ его въ университетъ, вызывавшихъ общее вниманіе къ нему со стороны профессоровъ, безконечно радовали старика. Но весною на другой годъ неожиданно пришло извѣстіе, что молодой Булановъ скончался отъ остраго воспаленія легкихъ. Вѣсть эта такъ поразила старика, что онъ сошелъ съ ума, но это не помѣшало Антону Захаровичу продать у большого старика и домъ, и лошадей въ пополненіе взятыхъ въ долгъ двухсотъ рублей.

И долго послѣ того по городу ходилъ старикъ нищій, собиравшій милостыню и всѣмъ говорившій, что вотъ уже скоро-скоро прѣдеть къ нему сынъ.

Къ рисункамъ.

Переселенецъ и его сынъ—сибирякъ. Мы помещаемъ этотъ снимокъ съ фотографіи, какъ наглядное свидѣтельство того преобразования, которое народный темпераментъ претерпеваетъ на новой почвѣ. Отецъ уроженецъ воронежской губерніи, переселился въ томскую губернію и завелъ усадьбу на такъ называемой Бель-агачской степи близъ Семипалатинска; фотографія снята, когда онъ насчитывалъ уже около сорока лѣтъ сибирской жизни; сынъ его родился уже въ Сибіри. Передъ вами крестьянинъ, выдрессированный и покорный, видъ котораго показываетъ, что если самъ не былъ крѣпостнымъ, то прожилъ въ крѣпостномъ обществѣ; рядомъ съ нимъ молодой человекъ, который смѣло и съ задоромъ начинаетъ свою жизнь.

Сибирскій крестьянинъ. Картина г-жи Базановой написана масляными красками. Она была выставлена на выставкѣ произведеній художниковъ въ Томскѣ въ 1901 г. и приобрѣтена профессоромъ г. Сабининымъ. Картина поправилась и художница принуждена была сдѣлать съ нея нѣсколько копій масляными красками. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ рисунка карандашемъ, исполненнаго самой художницей специально для нашего изданія.